

Пономарева Мария Александровна

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ "ЦЕНТР-РЕГИОН" В 50-Е - НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье раскрываются место и роль идеологического и партийного контроля в системе отношений политического центра и Ростовского региона в 50-е - нач. 60-х годов XX века. Прослеживается процесс принятия политических решений на региональном уровне. Определяется роль политического "центра" в формировании и регулировании идеологических факторов в регионе. Рассматривается вариативность реакции региональных органов власти на решения центральных партийных органов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 152-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Поскольку пластичность как теоретическая категория эстетики вполне применима к анализу вербального текста [2, с. 510], мы можем в данном случае постулировать саму значимость графического облика написанного как проявление пластичности вербального языка, потому что графика подчеркивает важность визуализации, подчинение слова законам пластических искусств.

Смысловая основа спектакля обнаруживает, при наличии сходства, существенные различия с эстетикой русского балета начала XX в. Если, скажем, в одноактном балете В. Нижинского «Послеполуденный отдых фавна» сохранялись и просматривались непосредственные связи с литературным источником - стихотворной поэмой С. Малларме с одноименным названием, и само сохранение одноименного названия в танцевальном тексте служило тому подтверждением, то в танцевальном тексте-интерпретации творчества С. Дали построение смысловой канвы спектакля потребовало большей степени обобщения материалов творчества художника-сюрреалиста: имеется в виду не какое-либо одно произведение живописи Дали, а некий целостный контекст жизнотворчества художника.

В художественной практике театра осуществляются принципы, с которыми связано искусство будущего. Важнейшей чертой облика этого искусства представляется синтез собственно художественных и технических средств выражения содержания искусства. При этом технические средства, несомненно, подчиняются художественной цели и задачам, расширяя возможности осуществления художественных решений и находок.

Список литературы

1. **Бежар, Морис; Дали, Сальвадор** // Кто есть кто в мире: энциклопедия / гл. ред. Г. П. Шалаева. М.: Филологическое общество «Слово»; ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. С. 106-108, 412-413.
2. **Пластика** // Современный словарь-справочник по искусству / науч. ред. и сост. А. А. Мелик-Пашаев. М.: Олимп; АСТ, 2000. С. 510.
3. **Эслин, Мартин. Театр на рубеже веков: 1890-1920; Браун, Джон Рассел. Театр после 1970 г.** // Иллюстрированная история мирового театра / под ред. Джона Рассела Брауна; пер. с англ. М.: БММ АО, 1999. С. 341-380, 499-537.

PLASTIC DRAMA THEATRE AS INTER-TEXT (BY THE MATERIAL OF CREATIVE ACTIVITY OF PLASTIC DRAMA THEATRE «MAN»)

Svetlana Aleksandrovna Pesotskaya, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*Department of Linguistics and Translation Theory
Institute of International Education and Language Communication
Tomsk Research Polytechnic University
swetla62@tpu.ru*

The article reveals the essence of the regional phenomenon of plastic drama theatre «Man» in the context of Russian modern nation-wide artistic culture. The peculiarities which determine the position of modern artistic culture as a whole and the essence of the aesthetic shift taking place within it are singled out by the material of the analysis of plastic drama theatre aesthetics.

Key words and phrases: modern artistic culture; plastic drama theatre; synthesis of art types, sorts and genres; synthesis of artistic and technical means of art content expression.

УДК 94(48).084

В статье раскрываются место и роль идеологического и партийного контроля в системе отношений политического центра и Ростовского региона в 50-е - нач. 60-х годов XX века. Прослеживается процесс принятия политических решений на региональном уровне. Определяется роль политического «центра» в формировании и регулировании идеологических факторов в регионе. Рассматривается вариативность реакции региональных органов власти на решения центральных партийных органов.

Ключевые слова и фразы: центр; регион; КПСС; идеология; массовое сознание; партийные и государственные органы; политический контроль.

Мария Александровна Пономарева, к.и.н.

*Кафедра исторической политологии
Южный федеральный университет
pono-mariya@yandex.ru*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР-РЕГИОН» В 50-Е - НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)®

Одним из ключевых и недостаточно исследованных аспектов советского исторического развития на сегодняшний день является сфера отношений «центр-регион». В отечественной историографии рассматриваемый вопрос получил развитие в рамках политологии, социологии, экономической географии, правоведения, в значительно меньшей степени - исторической науки [1; 15; 20; 23].

При этом можно говорить о преобладании двух традиционных направлений. С одной стороны, изучение взаимоотношений «центр-регион» является частью проблемы становления и развития российского федерализма XX-XXI вв. В данном случае авторы акцентируют внимание на периодизации развития федеративных отношений, роли в них политического центра, подвергают анализу суть сложившейся на постсоветском пространстве региональной политики [6; 11; 21; 22]. С другой стороны, на современном этапе получила особое развитие историографическая традиция, выразившаяся в изучении процессов, происходивших на уровне отдельных регионов. При этом воздействие «центра» рассматривается подавляющим большинством авторов как один из многих факторов, определяющих развитие конкретного региона [2; 5; 12; 13; 26].

На наш взгляд, в российской историографии сделана попытка рассмотреть проблему институционализации политического влияния советской власти в регионах Юга России, а также вопросы об отклике местных партийных и государственных органов на решения, принятые в «центре» в 50-е - первой половине 60-х годов XX в. Так, например, И. П. Рязанцев, М. С. Халиков, обратившись к рассмотрению экономических особенностей взаимоотношений центра и Северного Кавказа, сделали вывод о том, что Северный Кавказ воспринимался центром как единый экономический регион, выделяющийся особенностями своего стратегического положения плацдарма для распространения советского влияния на Переднюю Азию, Ближний Восток и зону Персидского залива [22, с. 119]. Публикация части архивных материалов, посвященных региональной политике Н. С. Хрущева, позволяет наметить исследовательские задачи в изучении политической практики взаимоотношений центра и регионов Юга России в 50-60-е годы XX в. [17].

Тем не менее, широкое поле для исторического исследования представляет собой рассмотрение целого ряда вопросов, в частности: о реакции местного населения на действия региональных и центральных органов власти в советский период. Немаловажное значение имеет также изучение вариативности восприятия региональными партийными органами различного уровня решений центральных партийных и государственных структур. Интересен также вопрос о роли регионального публичного пространства в координатах «центр-регион».

Одним из важнейших условий воздействия центра на регионы, в том числе и на Ростовскую область, в первой половине 50-х годов XX века был идеологический и партийный контроль. Для этого использовались различные методы. В первую очередь, «знаковые» события советского государства, такие как празднование различных «годовщин». Например, Центральный Комитет ВКП(б) в Постановлении от 7 января 1950 года «О 26-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина» указывал партийным организациям на необходимость широкого освещения в печати, докладах и беседах жизни и деятельности В. И. Ленина - «... основателя и вождя великой партии большевиков, создателя Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира» [24, л. 10]. Кроме того, традиционно идеологическое влияние включало в себя «возвеличивание» «товарища Сталина», «под мудрым водительством» которого советский народ и коммунистическая партия превратили страну в «мощную индустриально-колхозную социалистическую державу», построили социализм, отстояли «великие завоевания социализма от немецких и японских империалистов» [25, д. 1061, л. 10].

Иным путем воздействия на общественное сознание стало формирование образа мышления населения посредством работы кафедр общественных наук высших учебных заведений. Отмечалось, что в условиях «успешного продвижения» страны по пути к коммунизму, необходимо повысить идейно-теоретический уровень преподавания общественных наук. На наш взгляд, наиболее важным для понимания механизма формирования влияния политики «центра» на регионы являлось требование к преподавателям вузов «глубоко раскрывать идеи Сталинского Краткого Курса истории ВКП(б) и других классиков марксизма-ленинизма» [Там же, л. 13 об.]. Тем самым центр определял вектор развития государственной идеологии, которая должна была формировать региональное массовое сознание.

Еще одним направлением идеологического воздействия центра на регионы стало использование средств массовой информации. Особая роль здесь отводилась районным газетам и журналам, в особенности, сельским и городским, освещающим производственную деятельность колхозов, МТС, совхозов и заводов. Если судить по материалам заседаний Ростовского Обкома КПСС в первой половине 50-х годов XX в., местные партийные органы пристально следили за деятельностью прессы, считая материалы, расположенные на ее страницах, «мощным средством коммунистического воспитания трудящихся» [Там же, л. 12]. О том, какую конкретно роль должна была играть местная пресса в реализации идеологических установок «центра» в области, можно судить по результатам разбора на бюро Ростовского обкома ВКП(б) работы Глубокинской районной газеты «Ленинский путь». В частности, на заседании отмечалось, что газета стремилась на близких и понятных фактах из жизни района разъяснить трудящимся политику партии и Советского государства, мобилизовала колхозников, рабочих МТС и совхоза на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства. Количество обращений бюро Ростовского Обкома КПСС к вопросам о месте средств массовой информации в формировании сознания трудящихся области, является показателем той роли, которая отводилась газетам и журналам в транслировании идеологических установок «центра» на местный уровень. Так, идеологическое содержание номеров областной газеты «Молот» обсуждалось на каждом заседании бюро, деятельность различных местных газет и журналов - в зависимости от активности райкомов и горкомов партии либо в случае необходимости закрепления на местах какой-либо определенной идеи [Там же, д. 1072, л. 8 об.].

Важное значение для формирования идеологического климата в области придавалось репертуару городских, заводских и колхозных театров, народных ансамблей и т.п. Так, 30 марта 1953 года бюро Обкома

КПСС отмечало, что партийные, советские и комсомольские организации области, выполняя решения XIX съезда партии по дальнейшему усилению идеологической работы, стали больше внимания уделять развитию художественной самодеятельности, повышению ее идейного уровня [Там же, д. 1623, л. 6].

Однако процесс восприятия идеологии центра в регионе в первой половине 50-х годов был неоднозначен. В отличие от областной партийной организации, местные партийные комитеты и рядовое население области не всегда безусловно исполняли указания «сверху». На наш взгляд, можно говорить о некотором скрытом проявлении самостоятельности Ростовской области в отношениях с «центром» на различных уровнях политической и общественной жизни.

Так, местная интеллигенция, те же представители высшей школы, как говорится в одном из Постановлений бюро Обкома КПСС Ростовской области, не изжили в преподавании «формализм и догматизм, **бесстрастность** (выделено мной - П. М.), отрыв освещаемых вопросов от конкретных исторических событий и современной общественной жизни» [Там же, д. 1061, л. 13 об.]. Газеты «Вперед», «Комсомолец» «редко печатали статьи» о неиспользованных резервах и перспективах развития экономики района. По вопросам партийной жизни печатали большей частью «инструктивно-установочные» статьи или описывали недостатки [Там же, д. 1600, л. 6, 8 об., 9, 12].

Активность населения Ростовской области получила выражение в письмах в партийные и государственные органы разного уровня с критикой существующих порядков на местах или соответствующих руководителей. Реакция «центра» и Обкома в первой половине 50-х годов была двоякой. С одной стороны, традиционной формулировкой постановлений и протоколов являлось: «установлено, что приводимые в письме факты... не соответствуют действительности и являются вымышленными» [Там же, д. 1061, л. 21]. С другой стороны, если сведения, приводимые в письме, были неоспоримы (как, например, в коллективном письме группы рабочих сборочного цеха завода «Ростсельмаш» о низком качестве хлеба) [Там же, д. 1072, л. 14 об.], ответственность возлагалась на местные партийные комитеты и их руководителей. Тогда в протоколах отмечалось, что руководство, «отмахиваясь от рассмотрения писем, жалоб, и заявлений трудящихся, не содействовало развитию критики и самокритики в организации» [Там же, д. 1074, л. 11]. При этом каких-либо взысканий на руководителей обычно не накладывалось. В случае, если жители области обращались непосредственно в ЦК КПСС, к руководителям государства, в центральные газеты и журналы с информацией, в той или иной степени отражающей реальное политическое положение в регионе, «центр» передавал письмо по партийной линии на областное рассмотрение. Реакция Обкома, зафиксированная в более чем пятидесяти протоколах заседаний за рассматриваемый период, однозначна: «...многие обвинения... являются неправдоподобными и ложными...». Автор письма лишался должности, членства в партии, иных привилегий. Подобная ситуация сложилась в 1953 году вокруг письма прокурора Новочеркасского района в ЦК КПСС на имя Г. М. Маленкова, в котором обвинял Ростовский Обком в навязывании Новочеркасской партийной организации «своего» первого секретаря РК КПСС, а последнего в том, что он «превратил райком партии в следственную комнату». Аналогичные факты автор изложил корреспондентам газет «Правда» и «Молот» [Там же, д. 1627, л. 35-37].

Особое место во взаимоотношениях центра и регионов в первой половине 50-х годов играла т.н. «колхозная демократия». В Ростовской области сосуществовали несколько противоречивых тенденций. Политический центр инициировал организационные демократические формы: отчетные и отчетно-выборные собрания с «большевистской критикой и самокритикой», «обязывал райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов и редакторов районных газет организовать широкую разъяснительную работу среди колхозников, публиковать статьи и консультации [Там же, д. 1061, л. 2, 5 об., 7]. В ответ на местах колхозники восприняли указания партии как прямое разрешение критического обсуждения деятельности руководителей колхозов и райкомов, ревкомиссий и иных местных организаций. В 1950 году на отчетно-выборных собраниях в 17 колхозах, находящихся под руководством Криворожского РК ВКП(б) и райисполкома, была признана неудовлетворительной и плохой работа 26 ревкомиссий. В своих выступлениях колхозники подвергли бывших председателей колхозов резкой критике за пьянство, развал трудовой дисциплины, нерегулярную отчетность перед колхозниками. Центр, опасаясь выхода из-под контроля общественного сознания, посредством Обкома предпринял меры по свертыванию колхозной демократии. При этом, как и в иных случаях, ответственность должны были понести местные партийные органы. Так, по факту рассматриваемых нами данных Бюро Ростовского Обкома КПСС постановило признать неудовлетворительным руководство Криворожского РК ВКП(б) подготовкой и проведением отчетных и отчетно-выборных собраний колхозов района и обязать отменить их результаты по упоминаемым нами 17 колхозам [Там же, д. 1100, л. 12 об., 13 об.]. Не осталась без внимания и инициатива рядовых колхозников. Бюро Обкома ВКП(б) в обсуждении вопроса «О ходе подготовки к проведению отчетно-выборных собраний в колхозах Мечетинского района» отметил, что вследствие недостаточной массово-политической работы «политическая и производственная активность колхозников еще слаба», колхозы приходят к отчетно-выборным собраниям с крупными недостатками в выполнении основных сельскохозяйственных работ [Там же, д. 1061, л. 26 об., 27].

Достаточно важным для рассмотрения вопроса отношений «центр-регион» является позиция местных партийных органов. В ряде случаев можно говорить о некотором политическом равнодушии райкомов, горкомов и первичных ячеек к ряду указаний «сверху».

Например, в качестве одного из неблагоприятных факторов, препятствовавших «повышению идеологического воспитания» в области, отмечалась деятельность ряда райкомов партии - Мечетинского, Егорлыкского,

Бело-Калитвенского и Матвеево-Курганского. Их «недомотр» состоял в том, что они не занимались подбором и воспитанием кадров художественных руководителей, в результате чего на сцену «проникали устаревшие, слабые в идейном и художественном отношении произведения, порою порочащие советскую действительность и образы советских людей», такие, например, как пьеса Е. Шварца «Дракон» [Там же, д. 1623, л. 6]. Еще одним показателем скрытой самостоятельности местных партийных органов может служить несвоевременная высылка в Обком ВКП(б) в 1950 году протоколов заседаний бюро, пленумов и собраний партийного актива [Там же, д. 1212, л. 3]. Кроме того, местные органы партии игнорировали решения «центра», ориентируясь преимущественно на конкретные экономические и социальные условия. Так, Раздорский райком КПСС был обвинен в «неудовлетворительном руководстве» - на заседании бюро Ростовского обкома КПСС от 9 сентября 1953 года отмечалось, что райком партии и райисполком «смирившись с низкой культурой земледелия» [Там же, д. 1061, л. 5].

Показателем скрытой самостоятельности могут служить отмечаемые факты снижения партийной дисциплины в области. Действительно, во многих кружках и политшколах при местных парткомах, в которых преподавалась марксистско-ленинская теория, отмечалась плохая посещаемость. Только в Раздорском районе в 1953 году три кружка по изучению истории КПСС распались и не закончили учебную программу [Там же]. Аналогичная ситуация складывалась и в Каменском районе области, в котором явка на занятия семинара пропагандистов составила в феврале 1953 года не более 60% от списочного состава, «нередко срывались» занятия кружков и политшкол [Там же, д. 1600, л. 5, 6]. Данная практика не могла не вызывать раздражения «центра», выразителем которого в регионе в 50-е годы являлся областной комитет партии. Так, например, представителей Каменской районной партийной организации обвинили в том, что они формально отнеслись к перестройке сети партийного просвещения на изучение труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и материалов XIX съезда КПСС.

Таким образом, в первой половине 50-х годов начинает давать сбой система давления «центра» на регионы посредством партийного влияния. При этом скрытая самостоятельность регионов проявлялась, прежде всего, на уровне горкомов, райкомов партии, среди населения. Областная партийная организация играла роль транслятора идеологического влияния «центра» на массовое сознание, а также его попыток сохранить идеологическое руководство регионами.

С другой стороны, ответом регионам на их запрос самостоятельности, выразившийся уже к 1953 году, стала экономическая децентрализация. Экономические трудности, которые становились более тяжелой ношей для «центра», легче было переложить на плечи конкретных регионов, требуя только минимальное количество продукции и налогов в «центр». Угроза экономической регионализации возникала вследствие потенциально завышенных требований, предъявляемых к регионам в данной сфере. При этом вся ответственность за невыполнение планов была возложена на местные партийные, советские и сельскохозяйственные органы [Там же, д. 1061, л. 6, 7]. Характерным примером может служить обсуждение на бюро Ростовского Обкома КПСС в 1953 году Пролетарского (сельского) райкома КПСС, который «по-настоящему» не организовал изучение постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС и постановления VII пленума Обкома партии, в результате чего «многие колхозники до сего времени еще не знают задач в области развития общественного животноводства» и «не сделали необходимых выводов». Результатом обсуждения «бездействия» райкома стало вынесение выговоров его руководителям [Там же, д. 1721, л. 73].

Основным направлением взаимодействия с регионами со стороны центральных партийных органов во второй половине 50-х - начале 60-х гг. остается трансляция идеологии. В 1956 году центр по-прежнему сохраняет функцию идеологического влияния на сознание населения региона посредством местных партийных структур. Более того, контролирующие функции партийных органов теперь были совмещены с исполнительскими. 7 декабря 1956 года на заседании Ростовского бюро Обкома с докладом «Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы министерства внутренних дел СССР» и задачи областной партийной организации» выступил секретарь Ростовского Обкома КПСС Г. А. Щелкунов. По результатам его выступления было принято решение обязать горкомы и райкомы КПСС провести соответствующие собрания партийных активов и общие собрания трудящихся, на которых разработать практические мероприятия по выполнению постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС [Там же, д. 1623, л. 8]. Важную роль в этом процессе должны были играть партийные комиссии. Президиум ЦК КПСС своим постановлением от 11 января 1962 года разрешил ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии по опыту партийных организаций Москвы, Ленинграда и Московской области создавать при горкомах и райкомах партии внештатные партийные комиссии для предварительного рассмотрения вопросов о приеме в партию и персональных дел коммунистов [Там же, д. 2698, л. 6, 28]. Сохраняется такой метод взаимодействия региональных и центральных партийных органов как отсылка вторых экземпляров стенограмм заседаний Обкома, протоколов и постановлений в Москву, в соответствующие партийные и государственные органы. В отличие от предыдущего периода этот процесс стал обязательным и регулярным. В центральных архивах (например, в РГАСПИ - фонде отдела партийных органов РСФСР, ГАРФ - фонде Совета Министров РСФСР и др.) сохранилась практически вся переписка центра с регионами, в том числе и с Ростовским Обкомом КПСС, а также лично с секретарем Ростовского Обкома КПСС А. Басовым в рассматриваемый период [3; 19, д. 174, л. 315, д. 179]. Тем самым центр рассчитывал видеть реальную картину происходящего в регионах. А также контролировать меру и степень идеологического воздействия на региональное общественное сознание.

Сохранилась в начале 1960-х годов и тенденция использования «знаковых» для формирования партийной идеологии событий. Однако Ростовская область, в отличие от предыдущего этапа ограничивалась постановле-

ниями и отписками в центр о приветствии выступлений Н. С. Хрущева и решений XXII съезда КПСС [25, д. 2073, л. 17] и не стремилась находиться среди передовых регионов по их реализации [19, д. 174]. Особенно ярко этот процесс выразился на местном уровне. Так, Ростовский Обком КПСС писал в Отдел партийных органов РСФСР, что Ростовский Горком КПСС и первичные партийные организации не возглавили начавшееся в стране патриотическое движение за достойную встречу выборов в Верховный Совет СССР. Не принимало активного участия в подготовке к выборам в Верховный Совет СССР и пропаганде материалов XXII съезда партии районное отделение Общества по распространению политических и научных знаний и учреждения культуры района [25, д. 2698, л. 6].

В целом, однако, в 1960-е годы выбор направления идеологического развития являлся прерогативой политического «центра», а региональный уровень партийной власти имел функции его транслирования в конкретных социально-экономических условиях. Практические задачи региона определялись «сверху» и включали в себя организацию населения на претворение в жизнь исторических решений XXII съезда, выполнение Программы КПСС, создание материально-технической базы коммунизма, выполнение плана 1962 года каждым предприятием, повышение коммунистической сознательности трудящихся, особенно молодежи, воспитание их в духе коммунистического отношения к труду и общественной собственности, строгого соблюдения правил социалистического общежития и т.д.

Тем не менее, судя по архивным материалам, сохраняется также и относительная самостоятельность региональной публичной сферы, в первую очередь, местной интеллигенции. В частности, на заседаниях Ростовского обкома КПСС с 3 по 5 января 1961 года отмечалось, что в Таганрогском радиотехническом институте «за последнее время» значительно снизился уровень идейно-воспитательной работы среди студентов и профессорско-преподавательского состава, что серьезно «мешает успешному выполнению поставленной XXI съездом КПСС задачи» о необходимости значительного повышения качества подготовки молодых специалистов высшей квалификации. Бюро Обкома постановило добиться «глубокого изучения студентами произведений классиков марксизма-ленинизма, решений XX и XXI съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС, докладов и выступлений товарища Н. С. Хрущева и других руководителей партии и правительства» [Там же, д. 2073, л. 4, 7].

Более действенной для «простого человека» стала практика обращения к «центру». Отдел партийных органов РСФСР посредством указаний Ростовскому Обкому КПСС поощрял как выступления населения на собраниях партийных активов, так и критические письма в областные и центральные партийные организации. В фонде Отдела партийных органов РСФСР каждая записка Ростовского Обкома КПСС содержит выдержки выступлений либо письма рядовых рабочих и колхозников. В качестве примера можно привести Записку Ростовского областного комитета КПСС от 30 декабря 1961 года, в которой акцентировалось внимание на выступлении обкатчика комбайнов завода «Ростсельмаш» о множестве недостатков в работе цеха, отсутствии внимания к воспитательной работе коллектива со стороны партийного бюро и профсоюзной организации [19, д. 174, л. 315]. Таким образом «центр» пытался укрепить прежде всего собственное идеологическое влияние, отойти от опосредованного воздействия на региональное массовое сознание, сместив баланс в свою сторону, чтобы не зависеть от вариативности восприятия региональными партийными и государственными органами решений и указаний, принимаемых «наверху». В частности, архивные документы содержат ответ Ростовского Обкома КПСС на статью «Как бы чего не вышло...», опубликованную в газете «Сельская жизнь» 14 февраля 1961 года. Статья написана по результатам письма от старшего свинаря учебно-опытного хозяйства «Зерновое», который жаловался на необоснованное освобождение его от должности. Влияние «центра» было настолько велико, что Ростовский Обком вынужден был прибегнуть к обобщающим формулировкам: «...имея в личном хозяйстве свиней, товарищ иногда использовал для их кормления корма, предназначенные общественному животноводству... Признать факты ... о неправильном освобождении от занимаемой должности ... в основном правильными...» [25, д. 2698, л. 12].

С другой стороны, также часто в фондах местных и центральных архивов появляются письма с призывами к социалистическому соревнованию, что, безусловно, можно отметить как признак успешной реализации идеологического влияния центра в регионе [Там же, д. 2053, л. 27-28].

Действительно, рассмотрение критических замечаний стало обязательной практикой демонстрации центром внимания к интересам простого человека. Однако критика не касалась фундаментальных основ советской идеологии и политико-экономической практики. В данном случае и политический «центр», и областная, и местная власть проявила себя в рамках той практики, которая сформировалась и стала привычной на предыдущем этапе.

Относительно самостоятельными от партийного влияния оставались региональные средства массовой информации. Как и ранее, на страницах газет и журналов, таких как Каменская городская газета «Труд», скорее отражалась повседневная жизнь конкретных людей, заводов и совхозов, а не распространение и «глубокая пропаганда» материалов и решений XXII съезда, «перспектив коммунистического строительства» и т.п. [Там же, д. 2862, л. 12].

В 1956-1961 годы появляется новый фактор центр-региональных отношений. Несмотря на достаточно осторожное обсуждение в области «направленного райкомам и горкомам партии рекомендованного отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС примерного ориентировочного плана изучения решений и материалов XX съезда КПСС» [Там же, д. 2029, л. 24], происходит активизация региональной общественности.

В отличие от предыдущего этапа, она носит организованный характер и поощряется «центром». Важное место при этом отводится инициативе различных обществ, добровольческих организаций. Проводятся их объ-

единенные пленумы и конференции «на высоком организационном и политическом уровне». Ростовский Обком КПСС обязывает райкомы партии, парткомы колхозов и совхозов, первичные партийные организации поддерживать и активизировать общественную деятельность [Там же, д. 2882, л. 16].

Во второй половине 50-х - начале 60-х годов широкое распространение получают различные клубы, общественные советы, кабинеты политического просвещения, Университеты культуры, женсоветы, советы пенсионеров и др. организации, созданные на общественных началах». При районных Советах образованы и работают внештатные отделы по благоустройству и торговле, товарищеские суды, народные дружины, домовые, уличные и родительские комитеты [Там же, д. 2882, л. 28 об.]. Только при Таганрогской городской партийной организации было создано по официальным данным 27 кабинетов политического просвещения, четыре народных театра [Там же, д. 2890, л. 97-97 об.]. Особенно активно этот процесс идет после XXII съезда КПСС, когда в регионы транслируется идея о развитии и укреплении общественных начал как «одного из важнейших путей привлечения трудящихся к правлению государством и общественным производством» [28, с. 220]. Более того, «центр» стремится наделить региональные общественные организации все большими полномочиями, которые в ряде случаев конкурируют с функциями партийных и управленческих структур. Так, внештатные инструкторы разбирают письма, заявления и жалобы трудящихся, что было на предыдущем этапе прерогативой райкомов и горкомов партии. В 1962 году в области получили распространение комиссии по контролю деятельности администрации, в которых состояло 1499 коммунистов. Однако, с одной стороны, парткомы, осознавая декларативный характер требований ЦК КПСС об активизации общественных структур на местах, используют добровольческие организации «главным образом для сбора сведений, материалов, для различных обследований и проверок» [25, д. 2890, л. 97, 98 об.]. С другой стороны, райкомы и горкомы, опасаясь утраты контроля над общественной инициативой, вынуждены были создавать обстановку, «исключающую возможность антиобщественных проявлений» [Там же, д. 2882, л. 10].

Ярко выраженной тенденцией стало использование местными партийными органами инициатив местного населения в строго определенном центре идеологическом русле. Так, в порядке подготовки к всероссийскому смотру изобразительного искусства Правление союза художников Ростовского отделения решило провести в конце 1961 года областную тематическую выставку «Родной Дон» с последующим ее показом в Москве. Тематическим планом выставки предусматривалось широкое отображение «нашей героической современности, величие преображенной природы и революционного прошлого Дона». В целях успешной подготовки и проведения выставки Бюро Обкома КПСС постановило одобрить инициативу союза художников, «учитывая значение изобразительного искусства в деле коммунистического воспитания трудящихся» [Там же, д. 2698, л. 41-43].

Взаимоотношения «центр-регион» развивались также в социально-экономических рамках. При этом политический «центр» стремился обеспечить контроль над экономической сферой региона. В Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, и в решениях мартовского Пленума ЦК КПСС были поставлены задачи создания коммунистического изобилия сельскохозяйственных продуктов для советских людей, сырья для легкой и пищевой промышленности [16, с. 37]. Официальные сведения утверждали, что в Советском Союзе на основе роста народного хозяйства неуклонно повышалась покупательная способность рубля и реальная зарплата рабочих и интеллигенции, проводилось снижение цен на товары широкого потребления, рос материальный, культурный уровень жизни трудящихся города и деревни. К концу 50-х годов XX века в результате подъема потребления на душу населения таких высококачественных продуктов питания как мясо, молоко, сахар, овощи и бахчевые культуры, уровень жизни в СССР достиг ряда развитых стран мира [14, с. 697]. Ростовская область при этом, как утверждалось, развивалась крайне быстрыми темпами. Заводы и фабрики Дона давали более 60 процентов всей валовой продукции машиностроительных заводов экономического района. С 1951 по 1959 г. Ростовская область получила 10 тыс. тракторов, более 5 тыс. комбайнов [18, с. 76, 112].

Однако, если судить по тем фактам, которые отложились в архивных материалах - отчетах с мест в Ростовский Обком КПСС, а также последнего - в Отдел партийных органов РСФСР, экономическое положение в области оставляло желать лучшего. Так, выступая с отчетным докладом о работе Обкома КПСС за период с февраля 1960 г. по сентябрь 1961 г. в Отделе партийных органов РСФСР, первый секретарь Обкома партии А. В. Басов вынужден был отметить как наличие в области «отстающих предприятий, шахт», так и «серьезные недостатки в капитальном строительстве», в производстве зерна и продуктов животноводства [19, д. 179, л. 72, 78].

Экономические планы, которые «спускались» на региональный уровень, значительно превышали возможности хозяйств области. Все это вынуждало местных руководителей идти либо на приписки, либо на открытые нарушения закона. Например, Бюро обкома КПСС отмечало, что в статье «Почему райком оберегает очковтирателей?», опубликованной в газете «Правда» от 5 января 1961 г., были «правильно вскрыты серьезные недостатки в работе Зверевского райкома партии и его первого секретаря Т. Данилкина по руководству сельским хозяйством и воспитанию руководящих кадров». При этом не делались попытки осмыслить причины действий Зверевского райкома, заключавшихся в том, что необходимость выполнить Госплан по продажам молока побудила райком обязать всех колхозников, имеющих коров, сдать 100 кг молока или 5 кг масла. В итоге было закуплено 1116 кг масла, которое передали государству как произведенное в колхозе [25, д. 2698, л. 34]. В подобной ситуации у региональных руководителей появилась возможность воспользоваться результатами производства в личных целях.

Характерным примером в Ростовской области стало дело против председателя колхоза «Заветы Ильича» Азовского района, который «назначил каждого седьмого колхозника на административную или обслуживающую должность, на содержание которых расходовал 20 процентов фонда оплаты труда», «получил и перепро-

дал автомобиль «Волга». При этом представители управления внутренних дел «пили вместе с председателем», «бывали у него в доме» [Там же, д. 2698, л. 36]. Таким образом, если в первой половине 50-х годов XX века центр самостоятельно отдавал часть экономических функций регионам, то на следующем этапе данный процесс начинает носить стихийный, все более неконтролируемый характер. Формируются тенденции, которые более ярко обнаружат себя на Северном Кавказе в 70-80-е годы XX в.

Проявлениями социальной напряженности были регулярные волнки на производстве, о которых также было осведомлено руководство страны. В Протоколах заседаний бюро Ростовского обкома КПСС периодически появляется информация о том, что «план выполнялся крайне неудовлетворительно», «горисполкомы не принимали необходимых мер к устранению недостатков» и т.п. [Там же, д. 2027, л. 7]. Уже в 1956 году центр, понимая опасность восприятия населением регионов расхождения между официально провозглашаемой победой социализма и реальным экономическим и социальным уровнем жизни, сделал попытку обезопасить режим от антиобщественных выступлений. Если на прошлом этапе роль умиротворителя отводилась партийным органам и основными методами провозглашались идеологические, то во второй половине 50-х годов речь идет об «обеспечении обстановки для спокойной жизни и отдыха трудящихся, особенно в г. Ростове, Таганроге, Новочеркасске, Азове... (то есть центральных городах области - П. М.) учреждениями внутренних дел». Происходит реорганизация управления МВД и управления милиции в областях и краях в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, а отделы (отделения) милиции в городах и районах преобразовываются в отделы (отделения) милиции исполнительных комитетов городских и районных Советов депутатов трудящихся [Там же, д. 2073, л. 8, 11].

Рубежными в отношениях между центром и ростовским регионом стали Новочеркасские события начала июня 1962 года. Как указывается в Записке председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР В. Е. Семичастного в ЦК КПСС 2 июня 1962 г., «нежелательные проявления» стали результатом «реагирования населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло» [9, с. 149].

Новочеркасские события стали ярким проявлением ранее скрытых латентных тенденций самостоятельности региональной общественности и местных партийных органов. Для характеристики общественных настроений во время волнений можно привести выступление старшего инженера Местечкина, который заявил, что в «развале» сельского хозяйства «лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, нельзя говорить» [Там же].

Одновременно 1962 год для Ростовской области стал рубежом, за которым баланс между регионалистскими тенденциями и идеологическим влиянием центра смещается в пользу последнего. Как отмечал заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. И. Степаков, судебный процесс в г. Новочеркасске, прошедший 24 августа 1962 г., «сыграл большую роль - воспитательную и профилактическую», «лишь отдельные лица выражают свое сочувствие осужденным, считая их действия правильными». На каждом заседании суда присутствовало 450-500 человек. Всего на процессе побывало около 4 тыс. трудящихся, в том числе 450 работников электровозостроительного завода [7, с. 150].

Новочеркасские события повлекли за собой усиление вертикального партийно-идеологического контроля «сверху-вниз» - от ЦК КПСС до цеховых (артельных) партийных организаций. Ростовский Обком КПСС вынужден был отчитаться перед центром о рассмотрении на заседании бюро «некоторых вопросов дальнейшего усиления идейно-воспитательной работы в Новочеркасске и в других городах области» и в ближайшее время осуществить ряд мер по улучшению «политической работы по месту жительства трудящихся, по усилению коммунистического воспитания молодежи» и другие [Там же].

В первую очередь, было проведено показательное наказание местных партийных и государственных органов и их руководителей. Так, директор завода Б. Н. Курочкин был освобожден от занимаемой должности и исключен из партии «за плохое руководство коллективом предприятия, бездушное отношение к нуждам и запросам рабочих, запущенность в вопросах нормирования и организации труда». Несколько меньше пострадали партийные руководители - секретарь партийной организации Новочеркасского электровозостроительного завода М. Ф. Перерушев, освобожденный от своих обязанностей; первый секретарь Т. С. Логинов, второй секретарь В. В. Захаров Новочеркасского горкома партии; председатель Новочеркасского исполкома Совета депутатов трудящихся В. М. Замула. Им был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку [25, д. 2999, л. 26].

С лета 1962 года негативные явления в отдельных районах обосновываются «неудовлетворительной перестройкой деятельности» горкомов и райкомов «в свете требований XXII съезда КПСС». При этом акцент делается на недостаток идеологического влияния партии на массы. В 1962 году подобный вопрос поднимался на бюро Ростовского Обкома КПСС в отношении Донецкого ГК, Тагинского РК и ряда других местных партийных организаций [Там же, д. 2944, л. 46 об., 47].

Ранее сформировавшаяся тенденция сочетания в рамках местных партийных органов идеологических и контролирующих функций выдвигается на передний план. Теперь партийный руководитель должен лично участвовать в улучшении идеологической работы: систематически встречаться с колхозниками, рабочими совхозов, специалистами, выступать перед ними с политическими докладами.

Более того, после Новочеркасских событий центр предпринял попытки включить хозяйственников в процесс идеологического контроля. Так, на заседании бюро Ростовского Обкома КПСС 25 августа 1962 года рассматривался вопрос о взысканиях директору Криворожского совхоза Миллеровского района И. В. Гадалину, который «полностью самоустранился от идеологической работы с людьми, редко бывает на фермах и бригадах», а также директору совхоза «Красный колосс» Кашарского района И. П. Роганову, «который считает, что идеологической работой призван заниматься секретарь партийного бюро, а он, как руководитель, обязан отвечать лишь за хозяйственную деятельность совхоза» [Там же, д. 2940, л. 6].

В отличие от второй половины 50-х - начала 60-х годов XX в. письма населения являются подпиткой для разворачивающейся «борьбы с местничеством местных руководителей», бюрократизмом и неэффективностью аппарата. При этом центр занялся преимущественно реорганизацией местных партийных и государственных структур. Именно на местные партийные органы перекладывается обязанность отвечать на критические письма населения. Так, в протоколе № 67 заседания бюро Ростовского Обкома КПСС по поводу «Письма колхозника Н. Н. Бережнова о беспорядках в колхозе «Россия» Октябрьского района» отмечено, что «факты по письму колхозника» будут рассмотрены на бюро Октябрьского райкома партии [Там же, д. 2956, л. 6]. Одновременно статистика показывает, что активность населения не стала ниже. В 1962 году из г. Ростова-на-Дону в Обком партии поступило 2439 писем, в центральные органы - около 3000, а повторных жалоб только в горисполком - 1273. Из шахтерского города Гуково в областные организации (Обком КПСС, Облисполком, Совнархоз и прокуратуру) за тот же период поступило 820 писем и заявлений [Там же, д. 2968, л. 11, 20]. Особенно много рассматривалось писем и жалоб на недостатки в строительстве, распределении и ремонте жилья, организации бытового обслуживания, работе городского транспорта, предприятий торговли и общественного питания. Писем было так много, что соответствующие отделы местных партийных органов и Обкома партии не успевали навести «в вопросе рассмотрения ... надлежащий порядок» [Там же, д. 2980, л. 5]. Данный факт показателен для выявления важности общественной инициативы в политической системе в целом, и в отношениях «центр-регион», в частности. Центр, уверенно выстроивший систему идеологического взаимодействия с регионами, больше не нуждался в постоянном контроле общественных инициатив. Местные партийные органы, на которые была возложена роль структуры, отвечающей на ожидания и критику граждан вследствие непосредственной близости к ним, не справлялись с потоком обращений и писем. И вынуждены были по большей степени игнорировать их. Перед Ростовским Обкомом встал вопрос о возможности отслеживать общественное мнение и оперативно реагировать на его изменения.

Изменилась роль средств массовой информации. Местные газеты и журналы, например, шахтинская газета «Призыв», миллеровская газета «За коммунизм», ростовский «Молот» и др. теперь рассматривались как «активный помощник» сельских и городских партийных организаций [Там же, д. 2928, л. 17]. Местные средства массовой информации теперь не печатали «резких» замечаний о региональных партийных и государственных органах, их руководителях. Основной темой изданий становится пропаганда решений XXII съезда партии и мартовского пленума ЦК КПСС. Инициатива, не вписывающаяся в установленные рамки, преследуется и наказывается. Единственной возможностью ее реализации становится огласка на всероссийском или советском уровнях. Характерен пример с рабкором многотиражной газеты «Ленинец» Ростовского паровозоремонтного завода Романовым, который опубликовал на ее страницах ряд статей о злоупотреблениях служебным положением со стороны начальника цеха. Инициатива корреспондента была замечена только после опубликования соответствующей статьи в газете «Правда» под названием «Виновные наказаны, а рабкор уволен» от 3 декабря 1962 года [Там же, д. 2980, л. 14, 21].

Характерной чертой общественного сознания региона с 1962 года становится «контролируемая демократия». В частности, приветствуются критические выступления рядовых граждан на съездах, областных конференциях, иного рода партийных мероприятиях. При этом сохраняется риторика предыдущих этапов - горячо приветствуются выступления Н. С. Хрущева, решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и т.д. Тем не менее, выступающие получили возможность обсуждать возникающие проблемы на областном уровне. При этом первенство отдается инициативам населения, имеющим не идеологический, а экономический характер, конкретным предложениям по улучшению производства, труда - «у нас рабочие совхозов и колхозники говорят - легче вырастить мясо, чем сдать его», «можно спорить и обсуждать количество управлений, размеры обслуживания ими производства, штаты», «мы можем резко сократить затраты труда... надо перестроить работу «Сельхозтехники»» и т.д. [24, л. 15, 66-72, 73].

Также сводятся к минимуму организованные формы общественной инициативы. В архиве обкома за рассматриваемый период редко упоминаются добровольческие организации. Одним из исключений можно считать постановление, принятое на бюро 25 июня 1962 года. В нем отмечается, что «руководители предприятий, учреждений,строек и учебных заведений, инженерно-технический и преподавательский состав» в большинстве случаев не принимают участия в работе дружин [25, д. 2920, л. 16].

Реорганизация партийных и советских органов по отраслевому принципу в ноябре 1962 года и формирование в Ростовской области двух обкомов - Промышленного и Сельскохозяйственного - стали новым рубежом для формирования центр-региональных отношений с иной комбинацией отличительных черт и признаков [18, л. 21-30].

Таким образом, развитие отношений «центр-регион» в рассматриваемый период носило противоречивый характер и прошло в своем развитии два этапа: первая половина 1950-х годов, 1956-1962 годы.

Их особенности зависели от ряда факторов, таких как: последовательность региональной политики в области идеологии; степень самостоятельности местных партийных организаций, изменение их функций и роли в отношениях центр-регион; роль Ростовского Обкома КПСС как промежуточного транслирующего звена; значение публичного регионального сообщества; вариативное восприятие региональными структурами и обществом идеологического давления центра.

Во-вторых, первая половина 50-х годов отличалась мощным партийным давлением на регион в области идеологии. При этом были охвачены практически все сферы воздействия на массовое сознание - от использования местных партийных ячеек до средств массовой информации и репертуаров колхозных театров. Политический центр инициировал организационные демократические формы: отчетные и отчетно-выборные собрания с «большевистской критикой и самокритикой». Областная партийная организация играла роль посредника между явно выраженными идеологическими запросами центра и скрытыми тенденциями самостоятельности местных партийных и государственных структур. Одновременно в регионе шел процесс латентной самоидентификации, выразившийся в общественной инициативе, критике населением местных партийных руководителей, колхозной демократии. Ответом регионам на их запрос стала экономическая децентрализация, возникшая вследствие потенциально завышенных требований, предъявляемых к регионам в данной сфере.

В-третьих, в отличие от предыдущего этапа, во второй половине 50-х - начале 60-х годов XX в. усиливается контроль центра за деятельностью областных партийных органов с целью получения наиболее исчерпывающей информации о состоянии массового сознания в регионе. Была сделана первая попытка упорядоченно совместить идеологические и исполнительные функции местных партийных органов. Партийно-идеологические и социально-экономические задачи региона определялись «сверху». Тем не менее, централизации по-прежнему противостояла относительная самостоятельность региональной публичной сферы. Распространенным выражением активности населения являлась практика обращения к «центру» с помощью писем, жалоб, публикации критических замечаний и жалоб в региональных средствах массовой информации. В 1956-1961 годы появился новый фактор регионального политического процесса - активизировались добровольческие и общественные организации. Их деятельность дестабилизировала устоявшуюся практику центр-региональных отношений: наделив общественные организации достаточно широкими полномочиями и предоставив им относительную идеологическую самостоятельность в обсуждении бытовых и производственных вопросов, центр запустил потенциально опасный механизм, в результате приведший к открытым выступлениям против сложившейся политической системы и идеологии.

В-четвертых, Новочеркасские события лета 1962 года явились проявлением латентных тенденций областного партийного и публичного регионализма и одновременно точкой отсчета усиления вертикального партийно-идеологического контроля - от ЦК КПСС до низших партийных ячеек. Центр больше не нуждался в непосредственном контроле общественных инициатив. Публичное пространство сузилось до поля контролируемой демократии.

В-пятых, в Ростовской области в рассматриваемый период различались несколько уровней взаимоотношений партийных структур: первый - это отношения Ростовского обкома КПСС и непосредственно центра. Его основными чертами можно назвать безусловный авторитет центральных партийных органов и непрерываемость в исполнении его решений со стороны высшего партийного звена Ростовской области. Второй уровень - взаимодействие центра и местных органов (райкомов, горкомов), а также низовых партийных структур. Их деятельность, опосредованная контролем Обкома КПСС, отличалась известной долей вариативности в исполнении решений и указаний центра. Относительная самостоятельность действий местных партийных органов зависела, в конечном счете, от ряда факторов: политической обстановки, складывающейся на момент исполнения решений «сверху»; местной экономической и социальной ситуации; требовательности руководителей Ростовского Обкома КПСС, центральных партийных и государственных органов.

Список литературы

1. **Беленко Н. М.** Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX - начало XXI вв.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2006.
2. **Волгоградская область: 10 лет федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»:** мат. рег. науч.-практ. конф. Волгоград, 2008.
3. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. А-259. Совет Министров РСФСР (Управление делами).
4. **Демешина Е. И., Хмелевский К. А.** История донского края: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1983.
5. **Дружинин А. Г.** Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. Ростов-на-Дону: Северокавказский научный центр высшей школы, 1999. № 3 (19).
6. **Жолков А. С., Котилко В. В.** Региональная политика и реформы в России. М.: Полистар, 1998.
7. **Записка заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. И. Степакова в ЦК КПСС о судебном процессе в г. Новочеркасске** // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3.
8. **Звонарев П. В.** Край родной. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1965.
9. **Из записки председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР В. Е. Семичастного в ЦК КПСС. 2 июня 1962 г. Особая папка. Совершенно секретно** // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3.

10. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 - нач. 1980-х гг). Новосибирск, 1999.
11. Кочетков Е. Е. Федерализм и региональная политика в сложносоставных территориально-политических системах: опыт республик. М.: Мысль, 2010.
12. Лубский А. В. Региональный политический процесс на Юге России: методология и результаты исследования // Региональный политический процесс. Ростов-на-Дону, 2003.
13. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII-XX вв.). М.: Наука, 2002.
14. Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968.
15. Политическая социология / В. Н. Иванов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2000.
16. Программа КПСС: принята XXII съездом КПСС. М., 1974.
17. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1965 гг. / О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозументчиков, В. В. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2009.
18. Российский Государственный архив новейшей истории. Ф. 13. Оп. 2. Д. 477.
19. Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 556. Оп. 14.
20. Рязанцев И. П., Халиков М. С. Экономическая социология: региональный аспект. М.: МАКС Пресс, 2003.
21. Симмон Э. Дж. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). С. 156-163.
22. Слезин А. А. За «новую веру»: государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.): монография. М.: ИД «Академия естествознания», 2009.
23. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 1. Ростовский сельский обком КПСС. Бюро. Оп. 2. Д. 3.
25. Там же. Ф. 9. Ростовский обком КПСС. Бюро. Протоколы. Постановления. Оп. 1.
26. Чирг А. Ю., Денисова Н. Н., Хлынина Т. П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: ООО «Качество», 2002.
27. Varon S. H. Bloody Saturday in the Soviet Union. Novocherkassk, 1962; Stanford, 2001.
28. XXII съезд КПСС: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1.

**IDEOLOGICAL AND PARTY CONTROL IN THE SYSTEM OF THE RELATIONSHIPS “CENTER-REGION”
IN THE 50S - THE BEGINNING OF THE 60S OF THE XXTH CENTURY (BY THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION)**

Mariya Aleksandrovna Ponomareva, Ph. D. in History

*Department of Historical Political Science
South Federal University
pono-mariya@yandex.ru*

The article reveals the place and role of the ideological and party control in the system of the relationships of the political centre and Rostov region in the 50s - the beginning of the 60s of the XXth century. The process of political decisions making at the regional level is traced. The role of the political “centre” in the formation and regulation of the ideological factors in the region is determined. The variability of the reaction of regional authorities to the decisions of central party structures is considered.

Key words and phrases: center; region; Communist party of the Soviet Union; ideology; mass consciousness; party and state structures; political control.

УДК 115

Статья раскрывает понятие «медиавремя» как подвид социального времени. Особое внимание в работе автор концентрирует на том, что время в медиaprостранстве - не система координат, а ценностный критерий реального.

Ключевые слова и фразы: хронотоп; темпоральная формула; «отчуждение» реальности; мир в пределах личной недостижимости.

Людмила Валерьевна Прошак, к.и.н.
Медиакомпания “Gameland”, г. Москва
proshak@glc.ru

ПРЕДЕЛЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕАЛЬНОСТИ И МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЕНИ©

Временность (темпоральность) - неотъемлемое свойство ситуативных медиапрактик. С него начинается конструирование медиареальности и, в каком-то смысле, истории. Для адекватного описания масс-медийных явлений потребуется особая категория медиaprостранства с его собственной системой координат. Обоснование такого подхода содержится еще у П. Сорокина, который полагал, что для характеристики социальных и культурных процессов «нужно использовать другой вид времени - социальное время...» [4, с. 81].